

Мария Ковшова

Образы пространства и времени в русской фразеологии и коды культуры: НИГДЕ И НИКОГДА¹

Переосмысление категорий *нигде* и *никогда* в составе русских идиом, указание на данные концепты, зафиксированное во внутренней форме идиом, отрицание, содержащееся в самой номинации концептов, – эти и другие вопросы являются предметом настоящего исследования.

Известно, что для указания на абстрактные категории язык часто использует более конкретные концептуальные структуры; также можно предпологать, что для описания *нигде* и *никогда* используются прежде всего образы пространства. Однако пространственная метафора оказывается более значимой для категории *нигде*, в то время как концептуализация *никогда* осуществляется с помощью метафоры времени и других метафор. Также значимыми для исследования концептов оказываются коды культуры, в которых интерпретируются образы идиом и осмысливаются названные глобальные категории.

Идиоматика, будучи образно мотивированной частью фразеологии, обнаруживает различные способы конкретизации концептов столь высокой степени абстракции, которые не поддаются привычному в лингвистике когнитивному моделированию, поскольку для *нигде* и *никогда* нельзя сформировать структуру знаний типа фрейма или сценария, разработать исходные слоты. Несмотря на предельную абстрактность понятий, которую усиливает содержащееся в них отрицание, *нигде* и *никогда* получают осмысление в наивной языковой картине мира, и фразеология являет собой типичные пути осмысления данных концептов, их метафорические модели.

Анализ концептуализации в русской фразеологии категорий *нигде* и *никогда* предполагает два направления. Первое направление – «цель – источник»: типологизация метафорических моделей в этом направлении

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского Научного Фонда (проект № 14-28-00130).

во многом определяется тем, какие идеи культуры находят свое выражение в тех или иных образах, какие установки культуры лежат в основе осмысления данных категорий. Второе направление – «источник – цель»: оно выявляет, как имена концептов нигде и никогда, будучи словами-компонентами в идиомах, сами служат источниками метафоризации различных понятийных сфер.

Начнем с первого из названных направлений и рассмотрим последовательно идиомы, в которых концептуализируются категории нигде и никогда.

Во фразеологических словарях русского языка идиомы с семантикой ‘нигде’ практически отсутствуют, но и те, что можно было бы назвать НИГДЕ-идиомами, оказываются не нацеленными на описание данного концепта; сема ‘нигде’ не является доминантной для этих немногочисленных идиом: *бог знает где; чёрт знает где <чёрт-те где>; пёс знает где и т.п.; ни там ни сям; ни тут ни там.*

На первый взгляд, концептуализация НИГДЕ в данных идиомах осуществляется с помощью отождествления объектов одного и того же класса: пространство – пространство, при этом отсутствующее пространство-цель описывается с помощью отсутствующего пространства-источника. Однако образы идиом *бог знает где; чёрт знает где* и т.п., на самом деле, основаны не на локальной метафоре, идиомы описывают не пространство, а отсутствие у человека знания о пространстве. Тем самым, отрицательная семантика несуществующего пространства перефокусируется в утвердительную семантику неизвестного пространства, существующего за пределами знания человека. Данные образы прочитываются в демонологическом коде культуры: через образы проявляются идеи культуры, закодированные в идиомах. Согласно русскому наивному сознанию, в мире есть то, что доступно и понятно человеку, а также то, что лежит за пределами этого мира; это пространство осмысливается как антимир, противопоставленный миру человеческому. Именно идеи культуры «наполняют» образы идиом культурной семантикой, привносят коннотации запределности, чуждости неизвестного ему, а значит, очень отдаленного пространства. *Бог, чёрт, шут, пёс* и другие экспрессивно-эвфемистические варианты прочитываются в демонологическом коде (а не, скажем, зооморфном коде); только в демонологическом коде пёс сродни черту; ср.: *к чертям собачьим*. За образами идиом стоит наивное представление о реальном и ирреальном пространстве, о мире и антимире, и данное представление, явленное в образах идиом, свидетельствует о дуалистическом

мировосприятия народа, которое отвечает религиозным воззрениям и философским положениям о том, что из признака вечности вытекает модальность необходимого существования и т.п. В русских идиомах концепт нигде осмысливается с помощью концепта знание; именно этот концепт описывается в метафорических моделях неизвестного пространства; именно поэтому сема 'нигде' в идиомах вытесняется семами 'неизвестно где', 'очень далеко'.

Ср.: *«Вдруг – трах-бах – Чонкина вызвали в казарму.., усадили в самолет, и через каких-нибудь полтора часа Чонкин был уже чёрт-те где, в какой-то деревне, о которой он до этого никогда не слышал»* (В. Войнович «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина», 1978).

Отметим, что если в списке ключевых понятий в словарях синонимов отсутствует понятие нигде, то понятия везде и всюду имеются; они концептуализируются в метафорах освоенного или доступного человеку пространства; ср.: *куда ни погляди, на каждом углу, по все концы, где угодно, на всем белом свете* и др. (Мокиенко 1996: 41).

Идиомы *ни там ни сям; ни тут ни там* прицельной семантикой, описывающей понятие нигде, также не обладают: они описывают не отсутствие пространства, а лишь означают отрицательный результат в поиске местоположения чего-нибудь или кого-нибудь в пространстве.

Ср.: *«Вглядываясь в жизнь, ... он с ужасом видел, что ни там, ни сям не осталось ни одной мечты, ни одной розовой надежды»* (И. А. Гончаров. Обыкновенная история, 1847).

В число идиом, так или иначе участвующих в концептуализации понятия нигде, входят и такие идиомы, которые произносятся в ответ на вопрос *Где?* со значением 'В каком месте? Где находишься? Где взял/нашёл?' и являются аналогом невежливой отговорки: *Нигде*, которая представляет собой ложное высказывание; ее действительное значение 'В месте, которое не считаю нужным указывать'. Идиомы, в силу своей образности, смягчают, придают шуточный или, напротив, усиливают бранный характер отговорки, помогают защититься от проявления излишнего любопытства собеседника, дают возможность уклониться от ответа. Нерифмованные устойчивые ответы на вопрос *Где?* создают неопределенный неконкретный образ пространства: *где был, там уж (уже) <меня> нет (нету); далеко, отсюда не видать (не видно); где взял, там уже нет; места надо знать* и т.п.

Ср.: «– *И где был? – спросила Нюра сердито, но шепотом, чтобы не разбудить спящих. – Где был, там меня нет, – ответил Чонкин и ухватился за косяк, чтобы не упасть*» (В. Войнович «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина», 1978).

Рифмованные идиомы-ответы зачастую наполнены бытовыми, сексуальными, физиологическими образами из мира человека, однако за этими образами стоит нечто более сложное: они принадлежат антимиру и прочитываются в демонологическом коде культуры. Грубая нецензурная лексика, прямое название или рифмованные эвфемизмы для названия гениталий, физиологических отклонений и сексуальных действий, образы бани и сарая как отчужденных закрытых пространств со своими банниками, пруд, в котором черти водятся, мыши и волки как нечистые и демонические существа, – все это и подобное в русских идиомах создает образ антимира, в котором отсутствуют нормальное положение вещей, присущее миру человека (Толстая 2011).

Ср.: *в манде; в манде на верхней полке <где е... волки, и немного выше, где е... мыши>; в п...; в п... на верхней полке <где е... волки, и немного выше, где е... мыши>; в сарае на полке; в бане на гвозде; в гнезде; в Караганде; на бороде; у тебя на бороде; на говняном пруде.*

Во многих литературных произведениях употребление таких идиом погружено в смягчающий их грубость контекст, кроме того, из всего набора идиом выбираются эвфемистические варианты.

Ср.: «– *Где я возьму документы? – В сарае на полке, где воют волки. Ици*» (Д. Донцова).

Но есть и более «жесткие» литературные примеры.

Ср.: «– *Где пацан? – прошипел Гуров ему в лицо. – В п..., сучара ментовская! – заорал Шутов во всю силу легких*» (Н. Леонов, А. Макеев) (Бондаренко 2013: 48–52).

Сходные с идиомами, но не грубые, а шуточные поговорки в Сборнике пословиц русского народа помещены под рубрикой «Где».

Ср.: «*Везде и нигде. У черта на куличках. Где? – Против неба на земле. Против неба на земле, в непокрытой улице. У всех святых на Куличках, что в Кожухове за Пречистенскими вороты, в Тверской ямской слободе, не доходя Таганки, на Ваганке, в Малых Лужниках, что в Гончарах, на Воргунихе, у Николы в Толмачах, на Трех горах и пр. (т.е. нигде – примечание В.И. Даля). За Яузой на Арбате, на Воронцовском поле, близ Вишовой горки, на Петровке, не доходя Покровки. За Серпуховскими воротами, позади Якиманской, не доходя Мещанской и т.п.*» (Даль 1957: 555).

Путаница, неразбериха, хаос в образах этих поговорок, даже поданные в виде шутки, тем не менее, соответствуют представлениям о хаосе и лживости как устойчивых чертах антимира. Безусловно, современные носители языка свободны от мифологического мышления, и шуточные поговорки, и бранные отговорки не соотносятся с древнейшими табу на вопрос о местоположении человека в пространстве (Ковшова 2007). Однако за метафорами – соматическими, физиологическими, зооморфными или пространственными, воспринимаемыми ярко и резко, если и не видится демонологический код культуры с его образами «злых сил», то продолжают стоять вполне живые суеверия. Это доказывается прежде всего резкой реакцией на вопрос *Где?* в виде или идиом-отговорок, или категоричного ответа: *Нигде!*

Перейдем к никогда-идиомам, которые, в отличие от нигде-идиом, легко обнаружить в существующих фразеологических словарях, и то, что сема 'никогда' в них является основной, доказывает ее определение в Словаре как «семантической доминанты» (Мокиенко 1996: 10).

Идиом, в которых концептуализируется никогда, включая их жаргонные и диалектные варианты, довольно много.

Ср.: когда рак на горе свистнет, после дождичка в четверг, на морковкино заговенье (после морковкина заговенья, к морковкину заговенью), на турецкую пасху, на русский байрам, когда на березе шишки вырастут, когда трава <песок> на камне взойдет и т.п.

Показательно, что во фразеологических словарях семантическая доминанта 'никогда' может занимать в толковании не первое, а последнее место или вовсе отсутствовать; см. толкование для всего перечисленного ряда идиом: 'Неизвестно когда, в неопределенном будущем, никогда' (Мокиенко 1996: 166); ср. *после дождичка в четверг* 'Возможно, когда-нибудь в отдаленном будущем, но неизвестно когда' (Баранов, Добровольский 2015: 233, 691). Представляется, что такой «сдвиг» в описании семантики этих идиом не случаен, поскольку осмысление категории никогда в русской картине мира происходило и происходит во взаимосвязи с другими категориями. Обусловленность внешними обстоятельствами, динамичность и способность к трансформации характерны для понятия никогда, содержание которого, при всей категоричности отрицания, представленной в образах невозможного, оказывается в контексте употребления идиом не абсолютным, а, скорее, относительным, и может быть изменено, если изменяется ситуация. Неслучайно в Сборнике

пословиц русского народа приведенные выше идиомы и другие поговорки на тему «Никогда» содержатся под различными рубриками. С одной стороны, в них выражена уверенность, что чего-нибудь никогда не будет, не случится ни в один из моментов будущего. Ср., например, под рубрикой «Просьба – согласие – отказ»:

«После дождичка в четверг; Когда восток с западом сойдутся; Когда воскресенье будет в субботу; Когда песок по камню взойдет; Когда на сосне груши будут; Когда солнце задом оборотится; Когда солнышко взойдет от заката; На тот год об эту пору» (Даль 1957: 240).

Ср. также под рубрикой «Былое – будущее»:

«После дождика в четверг; На то лето, не на это, а на третий год, когда черт умрет; В вознесенье, когда будет оно в воскресенье; Дождись Юрьева дня, когда рак на горе свистнет; Когда волк будет овцой, медведь садоводником, свинья огородником; Когда на море камень всплывет, да камень травой порастет, а на траве цветы расцветут» (Даль 1957: 293); *«Увидим, сказал слепой, услышим, поправил глухой (а покойник, на столе лежа, прибавил: до всего доживем)»* (Даль 1957: 294).

С другой стороны, эти выражения перемежаются в словарях теми, в которых есть уверенность, что что-нибудь когда-нибудь случится; словари являют собой картину наивного сознания, в которой смысл ‘никогда’ соединяется со смыслами ‘будущее’, ‘надежда’, ‘терпение’ и т.п.

Ср., например, под рубрикой «Терпение – надежда»:

«Дождешься, как от вербы яблоков» (Даль 1957: 122); *«Досуг будет, когда нас на будет»* (Даль 1957: 292); *«Дождемся поры, так и мы из норы»*; *«Оттерпимся – до чего-нибудь дотерпимся»*; *«После дождика даст бог солнышка»* (Даль 1957: 117–119).

Образы никогда-идиом, построенные по «формуле невозможного», доминирующей в славянском фольклоре, в целом (Богатырев 1962), встречаем также в форме шуточных или бранных отговорок в ответ вопрос: *Когда?*

Ср.: *в старинные (давние) года, когда лягушки были господа; давно, когда баба еще девкой была; как только, так сразу; когда Волга вверх потечет; когда волк будет овцой, медведь садовником, свинья огородником; когда воробьи на юг полетят; когда деревянный конь на горе пер...; когда на море камень всплывет, да камень травой прорастет, а на траве цветы расцветут; когда песок на камне взойдет; когда рак на горе свистнет; когда черт умрет, а он еще не хворал; на днях, а то и раньше; после дождичка в четверг, в сухую пятницу; когда-нибудь и как-нибудь и нибудь как* (Бондаренко 2013: 147–148).

Никогда-идиомы активно и бытуют в функции шутливой отговорки или отповеди.

Ср.: *«Ну и когда же мы с тобой увидимся? – спрашивал он уныло. – Ну как только – так сразу! – отвечала Галка» (С. Василенко). «Когда будет готово? – деловито спросил я <...>. – Когда воробьи на юг полетят, - недружественно ответил он» (А. Молчанов) (Бондаренко 2013: 147–148).*

В употреблении никогда-идиом на первый план обычно выходит семантическая доминанта ‘никогда’.

Ср.: *«На еврейское рождество да на турецкую пасху», - говорила в детстве наша соседка тетя Катя, когда желала подчеркнуть невероятность какого-то события. (Михаэль Дорфман. Еврейское Рождество, 2004 // «Лебедь» (Бостон), 2004.01.04).*

«Фанаты давно должны были понять: чем печально ждать, когда рак на горе свистнет, обвешивая свои стены постерами с изображением Курниковой, лучше спокойно наслаждаться ее теннисными упражнениями в парных состязаниях» (Роман Средиземский. Не мытьем, так катаньем. Курникова вышла в финал Открытого чемпионата Австралии в парном разряде (2002) // «Известия», 2002.01.24).

Однако нужно признать, что существуют примеры употребления (особенно это касается идиом с затемненной для некомпетентного носителя языка внутренней формой), в которых на первый план выходит сема ‘очень долго; бесконечно’.

Ср.: *«Это мы до морковкина заговенья будем прикидывать да менять? (Владимир Дудинцев. Не хлебом единым, 1956). – Теперь до морковкина заговенья увещевать ее будет! (А. И. Мусатов. Стожары, 1948). – Они проваландаются с убившими барками до морковкина заговенья, а мы еще десять раз успеем сняться до них... (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Бойцы, 1883). «Участкового педиатра можно ждать до морковкина заговенья, а частный доктор придет в любое время суток» (Форум Дети 2013).*

Когда речь идет о происходящем, важны временные координаты; события – это временные сущности, и потому в русских идиомах временная категория никогда, погруженная в мир человека и соединенная с событиями в жизни человека, опирается не на метафору пространства, а на метафору времени. Ключевыми в концептуализации никогда являются временные и числовые компоненты образов (включая вспомогательные компоненты), многие из которых прочитываются в соединенных со временем природном, мифологическом, религиозном и др.

кодах культуры; ср.: *когда на березе шишки вырастут, когда рак на горе свистнет, когда воробьи на юг полетят; до морковкина заговенья; после дождичка в четверг* и др. (Заметим в скобках, что последнее выражение восходит к образу Перуна, воплощающего в себе четыре стороны света, и потому связанному не только с четвергом, но и с идеей числа, множественности (Толстая 2011: 362). Тем самым, образ идиомы интерпретируется во временном, пространственном и числовом кодах культуры и выражает идею неизвестности – с какой стороны ждать изменения ситуации.)

Следует подчеркнуть, что именно интерпретация образов идиом в кодах культуры, в пространстве культурного знания позволяет вывести базовую для концептуализации никогда идею несовместимости тех свойств, которые русский человек считает присущими его миру в природном, деятельностном, религиозном и др. аспектах, с теми чертами, которые характерны для антимира; в наивном сознании антимир понимается как хаотический, абсурдный, невозможный и таким изображается в идиомах.

Теперь перейдем ко второму направлению исследования, которое ставит вопрос о семантической членимости идиом с входящими в них компонентами высокой степени абстракции – компонентами *нигде* и *никогда*. Абстрактность обсуждаемых концептов не приводит, как могло бы ожидать, к тому, что при метафоризации они бы использовались в более конкретных образах – как завершение какого-то пространства или окончание времени конкретного действия. Пожалуй, только идиома *никогда в жизни* и ее первоначальный вариант *ни разу за всю <мою> жизнь*, почти утратившие метафоричность, но сохранившие генеритивность, особенно в вариантах: *ни в жизнь <ни в жисть>* представляют время если не метафорически, то с помощью объектной метонимии: жизнь предстает как набор различных событий и ситуаций, с которыми соотносится актуальное происходящее.

Ср.: «*Нет уж, извини, ни в жизнь не поверю!*» (А. Н. Островский. Дородное место, 1857), «*И знаете, как отреагировал наш сыщик? Ни в жизнь не догадаетесь! Спросил, сколько денег я дал лакею у входа*» (Леонид Юзефович. Костюм Арлекина, 2001), «*Ни в жисть тебе не выиграть эти сто тыщ!*» (Андрей Кончаловский, Юрий Клепиков. История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж, к/ф, 1988).

Компоненты *нигде* и *никогда* в идиомах являются интенсификаторами самых разных значений; ср.: *нигде на свете; как никогда; никогда в жизни; ни*; они выражают усиленное отрицание наличия дел, свойств у кого-н.

или чего-н. в форме абсолютного отрицания проявления этого свойства. Однако есть примеры употребления, в которых данные компоненты создают особый, идиоматический, образ. Это идиома *нигде и никогда* и ее вариант *никогда и нигде*. Надо отметить, что кроме как в этом обороте регулярной концептуальной взаимозависимости категорий *нигде* и *никогда* в идиомах не обнаруживается: идея *нигде* не предполагает обязательной связи с идеей *никогда*. Строго говоря, образа в единице *нигде и никогда* нет, т.е. нет привычного образа; это не отрицает существование метафоры высокой степени абстракции, о *нигде* и *никогда* говорят абстрактные образы *нигде и никогда*.

При употреблении устойчивого выражения *нигде и никогда* в речи мы встречаемся с разной степенью его метафоричности и идиоматичности. Так, образная составляющая в сочетании этих слов может отсутствовать, т.е. временное и пространственное значение слов может быть актуальным, однако устойчивость оборота вызвана тем, что сочетание *нигде и никогда* приводит к усилению отрицания чего-нибудь и предельности измерения.

Ср.: «Насколько я знаю, цитированная вами статья *никогда и нигде* не публиковалась?» (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Пролог, 1943–1958).

Компоненты *нигде* и *никогда* могут приобретать статус локальной и темпоральной метафоры, которые в соединении создают особую идиому высокой степени абстракции. Безусловно, и в этих случаях компоненты *нигде* и *никогда* сохраняют часть актуального значения, то есть семантическая членимость у этих оборотов в какой-то степени сохраняется. Но несомненно образуются и идиоматичность.

Ср.: «Мы ставим на двигатель генератор и не думаем, можно ли будет дотянуться до него ключом. Мы не думаем *нигде и никогда!*» (Петр Меньших. Я знаю, что такое заводить!, 2004 // «За рулем», 2004.04.15).

Добавим, что и в пословицах концепты *нигде*, *никогда* получают свое описание, при котором одноименные компоненты создают пространственную и временную метафоры высокой степени абстракции.

Ср.: *Правде нигде нет места* (Даль 1957: 198); *И твоя правда, и моя правда, и везде правда – а нигде ее нет* (Даль 1957: 170); *Счастье скоро покидает, а добрая надежда – никогда* (Даль 1957: 122).

Итак, для русских идиом характерно отрицание пространства и времени путем изображения антимира, противоречащего нормам в природе и

культуре, противопоставленного миру человека. Различные образы хаотического, неправильного пространства и хаотического, неправильного времени интерпретируются в кодах культуры; культурная интерпретация образов выявляет идеи, смыслы, прескрипции, закодированные в образах идиом, позволяет понять динамику в понимании этих образов, а также выявить возможные семантические «сдвиги» в употреблении идиом.

Источники и литература

- БАРАНОВ, Анатолий Н., ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Дмитрий О., 2015: *Академический словарь русской фразеологии*. Москва: ЛЕКСРУС.
- БОГАТЫРЕВ, Петр Г., 1962: Формула невозможного в славянском фольклоре. *Славянский филологический сборник*. Уфа. 347–363.
- БОНДАРЕНКО, Виктор Т., 2013: *Ответные реплики в русской диалогической речи*. Словарь. Тула: изд-во ТПУ.
- ДАЛЬ, Владимир И., 1957: *Пословицы русского народа*. Москва.
- КОВШОВА, Мария Л., 2007: *Семантика и прагматика эвфемизмов*. Москва: Гнозис.
- МОКИЕНКО, Валерий М., 1996: *Словарь фразеологических синонимов русского языка*. Ростов-н/Дону: Феникс.
- НКРЯ = Национальный корпус русского языка (Nacionalny korpus ruskogo jazyka). Адрес сайта: <http://www.ruscorpora.ru> (2.4.2015).
- ТОЛСТАЯ, Светлана М., 2011: *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. Москва: *Междунар. отношения*.